

Завтрак был простым: разогрели несколько маньтоу из муки грубого помола да подали к ним нарезанные соленья. Вся семья Пэй наелась от силы на половину.

Пэй Яо во дворе колол дрова.

К тому времени, как солнце поднялось повыше, он уже успел наколоть целую кучу мелких щепок.

Чанся выстирал одежду и теперь развешивал её на деревянной перекладине для просушки.

В этот момент из западной комнаты вышел Чэнь Чжи и крикнул:

— Юва, запрягай телегу!

Болтавший во дворе со старым отцом Пэй Юва тут же поднялся и пошёл на задний двор выводить осла.

Пэй Яо отложил топор, подошёл к забору, опустил прислонённую к нему телегу и выкатил её на середину двора.

Чанся поспешно убрал пустой деревянный таз, вытер руки и одёрнул одежду.

Сегодня они собирались на большую ярмарку. Считая, что никакие домашние дела сейчас не к спеху, поехать решили всей семьей.

Доу Цзиньхуа сегодня тоже оделась прилично: всё чистое, опрятное, на одежде ни одной заплатки.

Раз уж едешь на ярмарку гулять и развлекаться, зачем надевать старое рабочее тряпье?

Увидев, что она собирается взять бамбуковую корзину, Чанся подхватил её сам. Бабушка, и внук были очень рады и первыми пошли к выходу — за воротами дома садиться в телегу куда удобнее.

Чэнь Чжи спрятал за пазуху кошель, тоже взял корзину, прихватил дверной замок с ключами и только тогда со спокойной душой вышел со двора.

С веток с шумом взлетели птицы, подняв лёгкий переполох.

Чанся поднял голову и посмотрел вверх: жёлтые листья опадали, зелени почти не осталось.

Сегодня солнце грело вовсю, ветра не было — погода выдалась на славу.

Поскольку за завтраком поели мало, да ещё успели поработать, в животе уже понемногу урчало.

Но Чанся не переживал: такой лёгкий голод вполне можно потерпеть.

Папа сказал, что как только они приедут на ярмарку, каждому купят по миске вонтонов с мясным фаршем.

Именно поэтому никто в семье не стал набивать желудок грубыми маньтоу.

Пэй Юва правил повозкой, Пэй Цзаоань тоже устроился впереди, а сзади на телеге

разместились четверо взрослых. Крепкий осёл, опустив голову, ходко шел вперед.

Копыта осла мерно цокали, колёса телеги круг за кругом катились вперёд, и повозка издавала лёгкий, едва слышный скрип.

За пределами старого поселения тоже была дорога, вот только далеко не такая широкая, как внутри самой деревни.

Пэй Юйва повёл осла по узкой тропе в обход деревни, чтобы их семья лишней раз не привлекала к себе чужого внимания.

Сегодня они направлялись на ярмарку Шуйцяо. Она была ближе, чем городок Фуян, и там находилась небольшая пристань. Там часто швартовались маленькие пассажирские лодки, и сошедшие на берег путники расходились по окрестным деревням.

Изначально эта небольшая пристань Тутай была устроена для удобства деревенских жителей из верховьев реки, чтобы им было проще отправляться в дальний путь. Иначе, сойди они на пристани в городке Фуян, пришлось бы проделывать лишней отрезок пути по суше.

Где люди — там и жизнь. Вскоре по обоим берегам у пристани стали открываться чайные, где можно было перевести дух, и трактиры, где кормили обедом. Со временем это место расцвело ещё больше, и теперь каждого первого и пятнадцатого числа по лунному календарю здесь на два дня разворачивалась огромная ярмарка.

В отличие от Пэй Яо, который то и дело наведывался в город, Чанся редко выбирался из дому, да и на ярмарках бывал всего несколько раз в год, поэтому всю дорогу пребывал в прекрасном расположении духа.

Он знал дорогу к Шуйцяо: деревья и деревни по обеим сторонам оставались позади, и когда до них донёсся весёлый, многоголосый шум, а ослиная телега замедлила ход, он понял — приехали.

Пэй Яо первым спрыгнул с телеги и придержал Доу Цзиньхуа, помогая ей сойти.

Чанся спустился, держа в руках бамбуковую корзину. Его взгляд тут же устремился на бурлящую людскую толпу и на всевозможные лавки, раскинувшиеся по обоим сторонам дороги.

Раз уж вся семья вырвалась на большую ярмарку, разумеется, следовало погулять в своё удовольствие.

Если просто привязать осла к какому-нибудь дереву, можно запросто лишиться и животного, и телеги.

В обычные дни, когда на площади не бывало столько народу, все привычно гуляли, катя телегу за собой.

Но сейчас стояла глубокая осень, у крестьян наконец-то появилось свободное время, и, завидев большую ярмарку, даже те, кто не собирался ничего покупать, всё равно шли сюда — просто побродить да поглазеть.

Пэй Юва огляделся по сторонам и столкнулся взглядом с расторопным пареньком лет пятнадцати-шестнадцати. Тот оказался сметливым и тут же зазывающе крикнул:

— Дядюшка, телегу пристроить нужно? Я как раз за ними приглядываю!

Пэй Юва именно такого зрителя и искал. Узнав цену — обычные пять вэней, — он увел осла к нему.

Чэнь Чжи больше не мог ждать. Он крикнул Пэй Юва, что они подождут его у лавки с вонтонами, и они вчетвером двинулись вперёд.

Семья напрямик направилась к той самой лавке с вонтонами, где они ели и прежде.

Хозяином лавки был опрятный и расторопный мужчина, который вёл дела вместе с сыном и снохой. Завидев гостей, он с широкой улыбкой поспешил им навстречу.

Миска тонких вонтонов с мясной начинкой стоила пятнадцать вэней, и Чэнь Чжи заказал шесть порций.

Глаза Чанся разбегались: он то и дело посматривал то налево, то направо, слушая весёлые зазывающие крики торговцев и шумные торги покупателей. На душе у него было невыразимо радостно.

Пэй Яо сидел рядом. Посмотрев вглубь рынка, он произнес:

— Папа, я пойду куплю несколько слоеных лепешек на масле.

Хотя слова были обращены к Чэнь Чжи, его взгляд был устремлён на Чанся, который с любопытством озирался по сторонам.

— Ступай, — отозвался Чэнь Чжи и тут же спросил: — Деньги взял?

Пэй Яо поднялся с места и ответил:

— Взял.

Чанся проводил Пэй Яо взглядом. Вокруг колыхалось море людей, но эта высокая и худощавая фигура выделялась среди всех, её невозможно было потерять из виду.

Вскоре подошёл Пэй Юва и сел рядом с Чэнь Чжи. Не успел он спросить, куда подевался Пэй Яо, как увидел, что сын уже возвращается, неся в руках масляные слоёные лепёшки.

Шесть лепёшек разделили — по одной на каждого. Доу Цзиньхуа и Пэй Цзаоань с довольным видом, без лишних церемоний и отказов, тут же принялись за еду.

Когда подали вонтоны, в прозрачном бульоне плавали колечки зелёного лука и капли ароматного масла. Стоило немного подуть и сделать первый глоток, как по желудку разлилось приятное тепло. А когда подцепляешь ложкой пухлый вонтон в тонком тесте с сочной мясной начинкой — рот тут же наполняется наваристым мясным вкусом.

Выпив всё до последней капли, Чанся отложил палочки. На дне миски ничего не осталось, а от голода не осталось и следа.

Пэй Цзаоань попросил ещё полмиски пустого бульона.

За бульон денег не брали, пей сколько душе угодно. Хозяин лавки оказался человеком нескупым и налил ему почти полную миску.

— Старик, ты пей не торопись, а мы пока пойдём погуляем, — поднимаясь с места, промолвила Доу Цзиньхуа.

Пэй Цзаоань кивнул:

— Идите. Искать меня потом не нужно, я сам поброжу, а как закончу — буду ждать вас у телеги.

Чэнь Чжи расплатился за вонтоны — вышло всего девяносто вэней, а вместе с лепёшками этот обед обошелся им в сто вэней.

Они вместе с Чанся и Пэй Яо пошли вглубь рынка. Пэй Юва отстал от них на несколько шагов: он то на одну лавку бросит взгляд, то у другой задержится, прицениваясь, почём нынче продают мотыги да кирки.

Так, незаметно для самих себя, они всей семьёй и разбрелись в разные стороны.

Чанся поначалу шёл след в след за Чэнь Чжи, но народу было слишком много. Он засмотрелся на толпу, окружившую торговца цветами, замер на мгновение, а когда поднял голову, силуэты Чэнь Чжи и Доу Цзиньхуа уже скрылись за спинами прохожих.

Он приподнял ногу, собираясь догнать их, как вдруг кто-то крепко перехватил его за запястье.

Пэй Яо увлёк его за собой на свободный пяточок позади одной из лавок.

Чанся немного занервничал: кругом люди, и хотя то, что его держали за руку, его не пугало, он совершенно не понимал, что задумал Пэй Яо.

Едва они остановились, Пэй Яо, заметив настороженный вид Чанся, легонько — совсем не больно — щелкнул его по лбу.

И с напускным раздражением бросил:

— О чём ты только думаешь? Я что, съесть тебя собираюсь?

Только тогда Чанся расслабился и тихонько спросил:

— Что случилось?

Зачем он вдруг привёл его сюда?

Пэй Яо принял из-за пазухи кошель, вынул две связки монет и, взяв руку Чанся, вложил их прямо ему в ладонь, приговаривая:

— Держи. Купи себе всё, что захочешь. Если не хватит — скажешь мне, я ещё дам.

Чанся оторопел и чисто машинально попытался вернуть деньги назад:

— Мне нельзя это брать.

У него отродясь не водилось таких денег.

Изредка отец или бабушка давали ему немного монет, посылая за тофу, или когда в деревню забредал разносчик с коробом товара, чтобы он мог купить обрезков ткани да цветных ниток.

Если оставалось несколько вэней, отец разрешал оставить их себе. Так он и копил понемногу, но больше десяти-двадцати медных монет у него никогда не набиралось, да и те уходили на иголки и нитки для работы.

Даже если взрослые не наказывали ему этого напрямую, Чанся сам прекрасно знал, что нельзя просто так брать чужие деньги.

А те две связки, что дал ему Пэй Яо, тянули никак не меньше, чем на шестьдесят вэней. Он отродясь не держал в руках такой суммы и посчитал, что это неправильно.

— Это ещё почему нельзя? — нахмурился Пэй Яо, выказывая недовольство.

Чанся не знал, что ответить, и лишь крепко сдвинул брови, пытаясь подобрать слова.

— Ладно тебе, ну что ты там ещё выдумаешь? — нетерпеливо прервал его Пэй Яо. — Раз я даю — бери и не думай. Тоже мне, великие деньги! Мы ведь скоро поженимся, так что плохого в том, что ты будешь тратить мои деньги?

Чанся немного поколебался, но спорить не решился и беспрекословно повиновался. Кошелек у него с собой не было, поэтому он просто спрятал обе связки монет за пазуху.

Пэй Яо посмотрел на него и вдруг добавил:

— И запомни: кроме моих денег, от всяких посторонних людей на улице ни копейки брать не смей.

Чанся поднял голову, слегка нахмутив брови.

Пэй Яо тут же умолк. Он и сам понимал, что Чанся никогда не возьмёт чужого, да и никто не станет разбрасываться деньгами ради него, но просто не смог удержаться от наставления.

Они снова вышли на торговую улицу, но ни Чэнь Чжи, ни Доу Цзиньхуа видно не было.

Чанся хотел было броситься на поиски, но Пэй Яо опять удержал его за запястье.

Пэй Яо, ничуть не заботясь о приличиях, вальяжно произнес:

— Куда ты спешишь? Давай гулять сами по себе. Я видел, как папа обернулся — он знает, что я иду с тобой, потому и не стал нас искать.

То-то и оно. Обычно, когда они выходили со двора, папа всегда велел держаться вместе.

Чанся замедлил шаг и невольно побрел вслед за неторопливой, размеренной походкой Пэй Яо.

Пока они шли, у лавок с сахарными картинками и фигурками из теста выстроилась целая толпа детей всех возрастов. Чанся был выше их, поэтому сквозь головы ребятишек без труда разглядел разложенные на прилавке яркие фигурки из теста.

По правде говоря, они были очень похожи на деревянные поделки, которые вырезал Пэй Яо: кошки, собаки, тигры, львы и даже орлы — и все раскрашены в разные цвета.

Вот только Пэй Яо в основном вырезал птиц, а на лотке с тестом птиц почти не было. Там красовались человеческие фигурки вроде Сунь Укуна или Чжу Бацзе, а ещё расписные небожительницы и маленькие ангелочки с корзинками в руках [культовые персонажи

классического китайского романа XVI века «Путешествие на Запад», Царь Обезьян и Свинья, постигшая таланты].

Пестрые фигурки из теста легче всего привлекали внимание детворы.

Рядом стояли лавки с флюгерами и большими праздничными трещотками. Стоило подуть ветру, как разноцветные колеса флюгеров с шумом начинали вращаться, приковывая к себе взгляды.

Всё это были детские забавы, столь же яркие и красочные.

С другой стороны мужчина, рисовавший сахарные картинки, работал без устали. Дети наперебой шумели, требуя поскорее нарисовать картинку именно им, а торговец без конца успокаивал их, приговаривая: «Сейчас-сейчас, этот мальчик пришёл раньше, следующая очередь твоя».

— Хочешь? — спросил Пэй Яо.

— Не хочу, просто смотрю, — покачал головой Чанся.

Вкус сахарных картинок он помнил с детства: как-то раз папа купил им двоим такую сладость. Приторно-сладкая штука, лизать её ещё куда ни шло, но если укусить — намертво липнет к зубам.

Он уже вырос, и ходить по улице, облизывая леденец, было как-то совсем несолидно. К тому же у прилавка толпилось десятка полтора детей, так что ждать пришлось бы долго.

Его взгляд упал на лоток, где продавали пастилу из боярышника.

Красные брусочки лакомства были такими гладкими и яркими, что казались невероятно нежными и упругими на вид.

Он ещё не попробовал, но во рту уже словно разлился этот знакомый кисло-сладкий вкус боярышника.

Тратить эти деньги Чанся было как-то не по себе. Он замер в нерешительности и лишь спустя какое-то время наконец отважился на покупку.

Он повернулся и тихонько спросил:

— Ты будешь пастилу из боярышника?

Если нет, то лучше не покупать. Есть одному как-то не хотелось, да и нужды в этом не было.

— Буду, — кивнул Пэй Яо.

Чанся шагнул к прилавку, и хозяйка тут же расплылась в улыбке:

— Сколько тебе, милок? Моя пастила — из самого лучшего сырья, вкус отменный, не веришь — попробуй!

Завернув пастилу для других покупателей, женщина протянула им небольшую пиалу, в которой лежали нарезанные на мелкие кусочки лакомства, и радушно пригласила:

— Пробуйте, угощайтесь!

Пэй Яо чиниться не стал, подцепил один кусочек — вкус и впрямь оказался превосходным.

Чанся тоже попробовал кусочек и спросил у хозяйки:

— Тётушка, сколько стоит один сверток?

— Шестнадцать вэней, в свертке двенадцать штук, — ответила женщина и, дождавшись его кивка, ловко завернула сверток, в два счета обвязав его пеньковой бечёвкой.

Чанся развязал узел на одной из связок монет, отсчитал шестнадцать вэней, протянул их женщине и снова затянул узелок.

Пэй Яо с совершенно спокойной душой перехватил бумажный сверток. Раз уж он отдал деньги Чанся, самому ему лезть за пазуху не требовалось.

Купив пастилу, они двинулись дальше.

Прежде, бывая на ярмарках или в городке Фуян, Чанся редко мог сам решать, что ему купить. А сейчас, выбрав по собственному желанию сверток пастилы, он ощутил, как в душе разливается тихая радость.

Вокруг бурлила тесная толпа. Кто-то, кого сильно толкнули, не удержался на ногах и, покачнувшись, едва не налетел на Чанся. Шедший рядом Пэй Яо тут же выставил руку, преграждая путь, а другой рукой увлек Чанся назад, пряча за свою спину.

Он вскинул глаза, и его взгляд на мгновение стал острым и пронзительным. Заметив, что незнакомец одет вполне прилично, а кошель открыто висит на поясе, Пэй Яо понял, что перед ним не вор, намеренно трущийся в толпе, и его лицо снова приняло обычное выражение.

<http://bllate.org/book/17875/1732079>